

АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ РАСПРОСТРАНЕННЫХ ОШИБОК ПРИ ФОРМУЛИРОВАНИИ ОБВИНЕНИЯ, ОГРАНИЧИВАЮЩИХ ПРАВО НА ЗАЩИТУ

ANALYSIS OF SOME MOST COMMON WORDING OF INDICTMENTS THAT RESTRICT THE RIGHT OF DEFENSE

**V. Stepanov-Yegiyants
D. Chekulaev**

Summary. An article analyzes the most common wording of indictments, which are formulated mistakenly and significantly violate the right defense. The authors research four types of such violations, illustrating them with examples from legal practice. The necessity of strict compliance by investigative bodies of the rules of qualification of crimes is emphasized. The conclusion is made about the actual impossibility of eliminating erroneous wording of indictments while considering cases by the criminal court, which dictates the necessity of a return of a criminal case to a prosecutor according to article 237 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Keywords: accusation, indictment, right of the accused to defense, qualification of crimes, presumption of innocence, Article 237 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Степанов-Егиянц Владимир Георгиевич

Д.ю.н., доцент, ФГОУ ВО «Московский
государственный университет им. М.В. Ломоносова»
02041981@mail.ru

Чекулаев Дмитрий Петрович

К.ю.н., доцент, ФГОУ ВО «Московский
государственный университет им. М.В. Ломоносова»
dm_ch@inbox.ru

Аннотация. В статье анализируются распространенные на практике ошибки при формулировании обвинения, которые существенно нарушают право обвиняемого на защиту. Авторы исследуют четыре вида подобных нарушений, иллюстрируя их соответствующими примерами. Подчеркивается необходимость неукоснительного соблюдения органами следствия правил квалификации преступлений. Сделан вывод о фактической невозможности устранения неконкретных формулировок обвинения при рассмотрении дела судом, что диктует необходимость возвращения уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ.

Ключевые слова: обвинение, обвинительное заключение, право обвиняемого на защиту, квалификация преступлений, презумпция невиновности, ст. 237 УПК РФ.

Накопленный авторами опыт юридической практики в сфере уголовного судопроизводства позволил выделить некоторые нарушения, допускаемые органами следствия при составлении обвинительных заключений, которые вместе с тем не всегда влекут возвращение судом уголовного дела прокурору в предусмотренном ст. 237 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее — УПК РФ) порядке. Авторы полагают, что в ходе судебного разбирательства невозможно устранить анализируемые в настоящей статье нарушения, в связи с чем обвинительное заключение не может считаться составленным с соблюдением требований ст. 220 УПК РФ.

1. Обвинительное заключение содержит формулировки, свидетельствующие о виновности в совершении преступления лица, не являющегося подсудимым в уголовном деле.

В соответствии с ч. 1 ст. 252 УПК РФ судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному ему обвинению.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» обоснованно указал, что использование в приговоре формулировок, свидетельствующих о виновности в совершении преступления других лиц, не допускается (п. 24). При этом пункты 1 и 2 ч. 1 ст. 220 УПК РФ устанавливают, что в обвинительном заключении должны быть указаны фамилии имена и отчества обвиняемых и данные о личности каждого из них.

Однако при расследовании преступлений, совершенных в соучастии, нередки ситуации, когда не все возможные соучастники привлечены в качестве обвиняемых в рамках направляемого в суд уголовного дела поскольку не установлены следствием или находятся в розыске. Например, в одном из известных авторам уголовных дел по ч. 1 ст. 210 Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ) помимо обвиняемого «Степанова» указан некто «Петров», который совместно с неустановленными лицами в точно неустановленное время, до 1 декабря 2016 года, при неустановленных обстоятельствах, в неустановленном месте на территории

Московского региона, создал преступное сообщество, действующее под единым руководством, имеющее устойчивую, иерархическую структуру с распределенными ролями и функциями соучастников (в связи с тем, что уголовное дело находится в производстве суда и приговор или иное решение по настоящему делу не постановлены, фамилии обвиняемых изменены).

Однако в обвинительном заключении «Петров» не указан в числе обвиняемых, не содержится каких-либо данных о его личности, а равно отсутствует ссылка на вступивший в законную силу приговор суда, которым была бы установлена вина «Петрова» в создании преступного сообщества.

Полагаем, что использование в тексте обвинительного заключения формулировки «Петров и неустановленные лица» как создателей преступного сообщества при отсутствии в уголовном деле данных о личности «Петрова», равно как и каких-либо сведений о предъявлении ему очного или заочного обвинения нарушает право «Степанова» на защиту, делает обвинение неконкретным и не позволяет суду вынести законный и не основанный на предположениях приговор.

При такой формулировке обвинения «Степанова» существенно ограничен в возможности доказывания своей невиновности, поскольку ему трудно будет доказать отсутствие знакомства с неким «Петровым и неустановленными лицами» и каких-либо контактов с ними по системам связи, равно как и разработки совместных планов преступной деятельности, распределении преступно добытого имущества и т.п.). Фактически на «Степанова», в нарушение базового для уголовного процесса принципа презумпции невиновности, перекладывается обязанность по установлению личности «Петрова и иных неустановленных лиц», сбор сведений о них и о месте их нахождения в конкретных периодах времени с целью заявления мотивированных ходатайств о проверке версий защиты о невозможности совместных и согласованных с ними преступных действий.

2. В обвинительном заключении в нарушение п. 2 ч. 1 ст. 220 УПК РФ отсутствует указание на точное время или конкретный период совершения преступления.

Степень конкретизации времени важна, чтобы квалифицировать деяние в качестве уголовно наказуемого, определить основания и меры уголовной ответственности, установить закон, подлежащий применению с учетом его действия во времени, а также определить сроки давности привлечения к уголовной ответственности.

Согласно п. 1 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, по уголовному делу в обязательном порядке подлежит доказыванию событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления). В соответствии с п.п. 3, 4 ч. 1 ст. 220 УПК РФ составленное органами предварительного следствия обвинительное заключение должно содержать существо обвинения, место и время совершения преступления, его способы, мотивы, цели и другие обстоятельства, имеющие значение для данного уголовного дела; формулировку предъявленного обвинения с указанием пункта, части, статьи УК РФ, предусматривающих ответственность за данное преступление.

Продолжая анализировать приведенное выше дело по обвинению «Степанова» и других отметим, что обвинительное заключение содержит формулировку, что «Петров совместно с неустановленными лицами в точно неустановленное время, до 1 декабря 2016 года, при неустановленных обстоятельствах, в неустановленном месте создали преступное сообщество».

Подобная формулировка не позволяет суду установить ни точную дату создания преступного сообщества, ни даже примерный временной период, в пределах которого оно было создано. Таким образом, можно допустить, что преступное сообщество было создано, например, 31 декабря 1996 года, то есть до введения в действие УК РФ. Такое утверждение соответствует тексту обвинительного заключения «до 1 декабря 2016 года».

Далее, в обвинительном заключении указано, что «Петров совместно с иными неустановленными организаторами и руководителями преступного сообщества, выполняя возложенные на них преступные роли, в точно неустановленное время, в период до 1 декабря 2016 года, с целью увеличения численности участников преступного сообщества, а также для расширения масштаба осуществляемой противоправной деятельности, посвятили в общий преступный умысел и привлекли к участию в преступном сообществе Степанова, который осознавая общие задачи функционирования преступного сообщества вступил в преступное сообщество».

Пункт 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» устанавливает, что если лицо присоединилось к уже созданному преступному сообществу (преступной организации) в целях реализации преступных намерений, то ответственность по статье 210 УК РФ наступает с момента вхождения их в сообщество (органи-

зацию) в зависимости от фактически выполняемых ими действий.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» в пункте 17 устанавливает, что под днем совершения преступления, с которого начинается течение и исчисление сроков давности привлечения к уголовной ответственности, следует понимать день совершения общественно опасного действия (бездействия) независимо от времени наступления последствий (часть 2 статьи 9 УК РФ).

Таким образом, в приведенном примере обвинительное заключение не содержит указания на день совершения преступления, то есть день вхождения (вступления) Степанова в преступное сообщество. Отсутствие в обвинительном заключении точно определенной даты и времени вхождения «Степанова» в преступное сообщество не исключает и возможности истечения срока давности привлечения к уголовной ответственности к моменту рассмотрения уголовного дела судом. Подобного рода нарушение также ограничивает возможность эффективной защиты от обвинения, например лишая возможности подсудимого «Степанова» заявить об алиби.

3. Описание способа совершения преступления в обвинительном заключении не соответствует требованиям уголовно-процессуального закона в силу противоречий, которые не позволяют суду вынести решение по существу, а обвиняемому сформировать позицию защиты.

В исследованиях известных отечественных ученых под квалификацией понимается установление соответствия в содеянном признаков общественно опасного деяния признакам состава преступления, предусмотренного в нормах Общей и Особенной частей УК с выводом о применении той или иной статьи Кодекса [3]. По мнению А.А. Герцензона, с которым солидарны авторы статьи, «квалификация преступлений состоит в установлении соответствия данного конкретного деяния признакам того или иного состава преступления, предусмотренного уголовным законом» [1].

Таким образом, для непротиворечивой и научно-обоснованной квалификации деяния и отграничения одного преступления от другого, в обвинении необходимо четко указывать все элементы конкретного инкриминируемого обвиняемому преступления, без смешения с признаками других составов.

К сожалению, эти, казалось бы, очевидные постулаты квалификации далеко не всегда соблюдаются на практике. Органы расследования чаще всего допускают такие «смещения» составов при описании объективной стороны преступного деяния, указывая как признаки вменяемого, так и признаки другого состава преступления, что создает возможность для государственного обвинителя и суда позднее перевалифицировать деяние на другую статью УК РФ. Подобного рода «процессуальные хитрости» органов расследования существенным образом затрудняют планирование защиты, которая должна предусматривать фактически защиту «с запасом» с учетом возможного изменения квалификации первоначального обвинения.

Например, в одном из изученных авторами уголовных дел следствие указало, что обвиняемые лица «совершили грабеж, то есть открытое хищение чужого имущества, совершенного организованной группой, в особо крупном размере, с приобретением права на чужое имущество путем обмана и злоупотребления доверием похитив путем приобретения право на долю номинальной стоимостью 5 000 рублей, что составляет 50% стоимости уставного капитала ООО «Х»».

Состав грабежа, предусмотренный ст. 161 УК РФ не предусматривает в качестве способа совершения преступления «обман или злоупотребление доверием». Такой квалифицирующий признак в диспозиции статьи 161 УК РФ также отсутствует.

Верховный суд РФ разъяснил, что при рассмотрении дел о краже, грабеже и разбое, являющихся наиболее распространенными преступлениями против собственности, судам следует иметь в виду, что в соответствии с законом под хищением понимаются совершенные с корыстной целью противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества [6]. Законодательная конструкция состава грабежа в ст. 161 УК РФ не предполагает возможности приобретения права на чужое имущества путем обмана или злоупотребления доверием. Предметом грабежа ни при каких обстоятельствах не может быть право на имущество, но это не помешало органам следствия использовать подобную формулировку в обвинительном заключении.

4. Обвинительное заключение не содержит описания роли и конкретных действий каждого из соучастников преступления, конкретных преступных действий обвиняемого.

В другом деле при формулировке обвинения по ч. 2 ст. 327 УК РФ органом предварительного следствия

указано, что «А., действуя совместно и согласованно с Б, В. и иными неустановленными участниками организованной группы, в неустановленное время в период до 2 июня 2017 года на территории г. Москвы изготовили методом цветной струйной печати при неустановленных обстоятельствах, заведомо подложный паспорт гражданина РФ...». Авторам непонятно, каким образом можно построить линию защиты от столького «общего» обвинения.

Пункт 8 Постановления Пленума Верховного суда № 43 от 17.12.2020 г.[8] устанавливает, что подделкой паспорта гражданина признаются как незаконное изменение отдельных частей такого подлинного официального документа путем подчистки, дописки, замены элементов и др., искажающее его действительное содержание, так и изготовление нового официального документа, содержащего заведомо ложные сведения, в том числе с использованием подлинных бланка, печати, штампа.

Между тем в обвинительном заключении в нарушение ч. 1 ст. 220 УПК РФ не указано:

1. Лицо, совершившее подделку бланка паспорта, поскольку роль и конкретные действия каждого из предполагаемых следствием соучастников в изготовлении бланка поддельного паспорта не указаны;
2. Лицо, совершившее заполнение поддельного бланка паспорта, поскольку роль и конкретные действия каждого из предполагаемых следствием соучастников в заполнение бланка поддельного паспорта не указаны;
3. Время, то есть день изготовления поддельного паспорта;
4. Следствием не установлено и в обвинительном заключении не описано: когда, где и на каком печатном устройстве был выполнен бланк паспорта?

Приведенные нарушения уголовно-процессуально-го закона являются существенными, поскольку нарушают право обвиняемого на защиту от предъявленного обвинения в части выполнения конкретных действий, составляющих, по мнению следствия, объективную сторону преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 327 УК РФ и лишает суд возможности постановить приговор или вынести иное решение.

Отсутствие в обвинительном заключении точно определенной даты и времени подделки паспорта гражданина РФ не исключает возможности истечения срока давности привлечения к уголовной ответственности, в связи с чем даже уточнение по результатам судебного следствия в приговоре даты и времени со-

вершения предусмотренного ч. 2 ст. 327 УК РФ преступления будет являться недопустимым изменением обвинения.

В качестве другого примера неконкретного обвинения можно привести обвинительное заключение по уголовному делу о грабеже, в котором указано, что «А., Б. и иные неустановленные соучастники находились на территории Московского региона, при этом в случае необходимости должны были прибыть на место совершения преступления, и выполнить отведенную им преступную роль, в том числе связанную с приданием совершаемым действиям законности и оказания психологического воздействия на сотрудников полиции».

Подобная формулировка обвинения в грабеже не содержит информации, которая должна быть установлена в соответствии со ст. ст. 73 и 220 УПК РФ: не указано место и время совершения открытого хищения чужого имущества, его способ, мотив и другие обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела.

Грабежом является такое хищение, когда «лицо, совершающее это преступление, сознает, что присутствующие при этом лица понимают противоправный характер его действий независимо от того, принимали ли они меры к пресечению этих действий или нет» [6]. В связи с этим какое-либо «придание законности совершаемым действиям» принципиально несовместима с составом грабежа, предусмотренным ст. 161 УК РФ.

Сам факт нахождения обвиняемых на территории г. Москвы в момент совершения другими лицами грабежа не может считаться достаточным для обвинения в совершении открытого хищения чужого имущества. Такая формулировка обвинения представляет собой объективное вменение, то есть ответственность без вины. Защищаться же от такого «обвинения» в «готовности прибыть к месту совершения грабежа» из некоего не установленного следствием места в «Московском регионе» (а возможно и за десятки километров от места совершения другими лицами грабежа) архисложно.

На судебных стадиях уголовного процесса устранить приведенные в настоящей работе нарушения при составлении обвинительного заключения без одновременного нарушения права на защиту не представляется возможным. Полагаем, что указанные нарушения не позволяют суду вынести законный и обоснованный как обвинительный, так и в ряде случаев оправдательный приговор. Наиболее правильным представляется принятие судом решения о возвращении уголовного дела прокурору по основаниям, предусмотренным п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ — обвинительное заключение, обвинительный акт или обвинительное постановление со-

ставлены с нарушением требований настоящего Кодекса, что исключает возможность постановления судом приговора или вынесения иного решения на основе данного заключения, акта или постановления. Несмотря на наличие свойственных данному институту российского уголовно-процессуального права «побочных

эффектов» [2], иные процессуальные механизмы для устранения на судебной стадии уголовного процесса допущенных при формулировке обвинения недостатков, нарушающих в связи с неконкретностью обвинения право на защиту, в отечественном законодательстве отсутствуют.

ЛИТЕРАТУРА

1. Герцензон А.А. Квалификация преступлений. М., 1947.
2. Головки Л.В. Истоки и перспективы института дополнительного расследования уголовных дел на постсоветском пространстве // Государство и право. 2009. № 11. С. 54–67.
3. Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Научн. ред и предисл. академика В.Н. Кудрявцева. М., 2007.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 28.01.2022, с изм. от 24.02.2022);
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 №174-ФЗ (ред. от 30.12.2021);
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»;
7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре»;
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2020 № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 324–327.1 Уголовного кодекса Российской Федерации».

© Степанов-Егиянц Владимир Георгиевич (02041981@mail.ru), Чекулаев Дмитрий Петрович (dm_ch@inbox.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова